

Эмир Кустурица: «Ненавижу Голливуд»

Знаменитый сербский режиссер убежден, что главная задача художника – воевать с миром

Екатерина Барабаш
Канны

В 1980-м, после шумного успеха фильма «Помнишь ли Долли Белли?» (премия за дебют в Венеции) о проблемах боснийской молодежи 60-х, Эмир Кустурица был провозглашен «режиссером XXI века». Все его последующие фильмы, кроме, пожалуй, «Аризонской мечты», имели успех и в прокате, и у критики. Картина «Папа в командировке» получила «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах, «Подполье» – тоже, «Черная кошка, белый кот» – приз за режиссуру в Венеции, «Время цыган» – приз за режиссуру в Каннах. Кустурица – один из четырех режиссеров за всю почти 60-летнюю историю Каннского фестиваля (наряду с Френсисом Фордом Копполой, Билле Аугустом и Сехеем Имамурой), дважды увозивших из Канн «золото». Ни с одного фестиваля с путыми руками пока не уезжал. Когда в 1995 году после победы в Каннах многие подвергли «Подполье» жесточайшим нападкам за излишнюю метафоричность, эклектичность и слишком явно расставленные политические акценты, Кустурица неожиданно болезненно отреагировал на критику и объявил о своем уходе из кино. Но потом снял «Черную кошку...», а сейчас привез в Канны трагифарс «Жизнь – это чудо» о балканском конфликте, о любви на войне, о нагромождении нелепостей, сопровождающих любую братоубийственную войну. Имидж небритого молодого бунтаря Кустурица до сих пор держит стойко. Впрочем, в смокинге он выглядит почти нелепо, и кажется, ждет не дожидается, когда можно будет переодеться в футболку и оттянуться с бас-гитарой. Во время Каннского фестиваля Кустурица встретился с обозревателем «НГ».

– Эмир, вам не кажется, что фильм немного опоздал? Вы сами уже сказали все, что думаете про эту войну.

– С чего вы взяли? Когда я скажу все, я умру. А что, разве тема любви, семьи, страданий отыграна, закрыта? Не ищите в этом фильме политику, не надо смотреть этот фильм как антивоенный манифест. Этот фильм – моя эмоциональная реакция на любовь, на семью, а война – не более чем фон, на котором еще лучше видно, что жизнь – это чудо. Совершенно неважно, где происходит дело, реальные события этой истории несут в себе приметы всех подобных войн – хоть в Руанде, хоть в Корее.

– В одной французской газете видела заголовок: «Кустурица – солдат любви». Как это понимать?

– Оч-чень смелое заявление. Ну да, я – солдат любви, причем стойкий и непримиримый солдат. Любовь – единственная мотивация жизни, единственный ее смысл. Даже больше скажу: я и работаю-то только на нее.

– В каком это смысле? Как художник или как мужчина?

– Как мужчина я просто люблю свою семью. А как художник я

независимая 2004 17 мая - С.8

Эмир Кустурица доводит кинопродюсеров до обмороков.

Фото Reuters

обязан делать людей счастливыми, хоть на какое-то время, я хочу и пытаюсь дарить людям утопию.

– Утопия – это обман, она не может быть счастьем.

– Бросьте, без нее вообще никто бы не выжил. Раньше я думал, что искусством можно изменить мир, сделать его лучше. Потом быстро понял: черта с два, этот мир не изменишь, значит, остается только воевать с ним. Сегодня мир опутан прагматизмом, все имеет свою цену, мир постепенно становится планетой потребителей, где не осталось места утопиям. Вот это кошмар, и с этим я борюсь как могу.

вижу прагматизм. Поэтому и не стал работать в Голливуде, мне там все противно. Там все эмоции под присмотром, под арестом, там работает огромная машина, чтобы не выпускать их из-под контроля. Я не хочу работать на какого-то безликого господина по имени Никто, он лишен человеческих чувств, он стерилен, у него не только эмоций нет, но он даже ничем не пахнет. Это ужас какой-то. Я ненавижу Голливуд Брюса Уиллиса, Кевина Костнера, они тоже – никто, они одинаковые и одинаково работают на этого стерильного господина. Это вредно для окружающей среды, это хуже любой радиации.

– Представьте, что вы привозите в родной город Золотую пальмовую ветвь...

– С трудом, но представила.

– Вы привозите ее в Сараево, а там население 300 тысяч человек. Сначала вы ошалели от счастья, потом еще месяц-другой ходите счастливый, а потом чувствуете, что из вас делают – ну как это точнее назвать – туристическую достопримечательность, памятник, элемент системы. И становится тесно, душно. Вот тогда я и начал играть на гитаре, на бас-гитаре, чтобы все увидели, что я по натуре маргинал. Мне тогда даже запретили в киношколе преподавать. Как это так, профессор – и какой-то рок-музыкантиска. Специальная комиссия Министерства культуры собиралась, театр абсурда какой-то.

– Говорят, на съемочной площадке вы невыносимы.

– Не совсем так. Я просто хочу создавать шедевры, я хочу, чтобы каждый кадр был шедевром. А в фильме примерно 2000 кадров. Значит, мне нужно 2000 шедевров. Конечно, нервы сдают, я и кричу, и грязно ругаюсь.

– Некоторые даже рукоприкладство позволяют.

– Не сомневаюсь. Но сам не пробовал. Довольно того, что я продюсеров довожу до обмороков, делая по 20 дублей. К концу работы продюсеры, как правило, собираются меня душили. Но пока везло. Я им объясняю, что Кубрик по 40 дублей делал, но их это, в отличие от меня, с действительностью не примиряет.

– Вам, между прочим, осенью 50 стукнет. Не задумывались, как оно там, в старости, маргиналом быть? Уже не похипуешь...

– Пятьдесят... Я не женщина, но при упоминании о годах грущу. Когда-то мой сын на похоронах моего отца сказал: «Я теперь понял, что такое смерть. Вот яблоко упало, сгнило, а потом на этом месте новое яблоко прорастет». Так неужели я не прорасту где-нибудь когда-нибудь?

– Наверное, все-таки на своей земле, в Сербии?

– Нет. Там сожгли мой дом. Я никогда не вернусь туда.

Любовь – единственная мотивация жизни

– Когда вы вызывали известного сербского ультранационалиста на публичную дуэль на площади в Сараево, вы таким образом тоже боролись с миром?

– Это было немножко другое. Из-за таких, как он, все произошло. Хотя... Не знаю... Почему все спрашивают об этой истории? Это было десять лет назад, да и противник мой не пришел, хотя я ему сказал: можете сами выбирать оружие. Он просто понял, что в любом случае останется дураком. Зато пришла его жена и как начала меня лупить. А он струсил. Гад.

– Вы упорно называете себя югославом, хотя такой национальности нет. Это что, своеобразная дань родине?

– Я, откровенно говоря, не знаю, что такое «родина». Я знаю, что такое «моя земля», я знаю и всю жизнь буду помнить ее запах, звук опадающих листьев, буду помнить прикосновения к знакомым и любимым предметам. Это то, что мир сейчас безудержно теряет и что мне хочется хоть чуть-чуть, хоть как-то вернуть, – эмоциональную память. Я нена-

– Ваш дом теперь навсегда в Париже?

– Дом? Дом... Я не знаю, есть ли у меня дом. Мой настоящий дом остался в Сараево, его больше нет, его сожгли, разрушили. Я живу не в Париже, а в пригороде, купил дом у русского эмигранта. И понял, почему в России великая литература – они все творили за городом. В городе создать что-либо невозможно.

– Почему вы так любите снимать про цыган? «Время цыган», «Черная кошка, белый кот», в других фильмах они у вас то и дело появляются...

– Цыгане – совершенно особые люди. Они маргиналы. А я обожаю маргиналов, у них жизнь и сознание незамутненное, почти детское, они не участвуют в этой нашей запрограммированной жизни. Для цыган существуют только деньги, любовь, семья. И все. Ничего лишнего. Я сам пытался стать маргиналом, но уже поздно было. Еще аутсайдеров люблю – у них совершенно особый взгляд на жизнь.

– Еще бы. А как можно ни с того ни с сего стать маргиналом?